

С ГПШ я познакомилась студенткой философского факультета МГУ зимой 1965/66 учебного года. Я работала литературным редактором в реферативной группе Института истории естествознания и техники АН СССР и училась на 2-м курсе – на заочном отделении, поскольку, по распоряжению советского начальства, после школы необходимо было набрать два года «пролетарского стажа» и только потом обучаться на столь серьезном, идеологически ответственном факультете. По этой причине в выборе своих лекторов я была свободна (нравились весьма немногие). Увлекалась логикой, так как основной вопрос, который привел меня на философский факультет, был: что такое мышление и как люди реально мыслят? Еще в школе прочитала старый учебник по логике Г.И. Челпанова, и он меня заворожил. Казалось, что все ужасы окружающей социальной жизни (а в наличии оных у меня сомнений не было) были созданы полным отсутствием мышления или несоблюдением его правил. Конечно, я быстро убедилась в том, что формальная логика не способна дать ответы на мучившие меня вопросы, хотя в то время многие увлеклись тем, что преподавал А.А. Зиновьев.

Философский факультет в те времена включал и Отделение психологии, и все мои студенческие друзья в основном были психологами: Володя Столин, Толя Тюков, Вера Щур, Витя Юртайкин, Инна Шаластер и др. Поэтому лекции я чаще слушала по психологии (где в то время читали свои курсы А.Н. Леонтьев, А.А. Лурия, П.Я. Гальперин), чем по философии. Это было интересно, солидно, достаточно живо; кроме того, среди любимейших моих педагогов была Вероника Александровна Андриевская, очень, как я теперь понимаю, нетривиальный экономист, американист. Она, бесспорно, оказала на меня решающее влияние в тот первый год обучения, хотя мы занимались под ее руководством всего-навсего анализом «Капитала» Маркса.

Первый курс был позади, я не разочаровалась в философии, но в душе чувствовала, что Учитель мной не найден, направление будущей работы – в полном тумане. И в этот «туманный период» моей юности Николай Федорович Овчинников, добрый старый знакомый, известный философ (специалист в области философских проблем физики и эпистемологии), человек, который с детства следил за моим «философским развитием», внезапно решительно сказал: «Обязательно сходи на лекции Георгия Петровича Щедровицкого, он сейчас преподает на факультете». Зачем? – спросила я. – Чем он занимается? «Это неважно, это – потрясающий человек, ты должна его увидеть», – ответил Овчинников.

И что же?.. Благодаря собственному настойчивому совету добрейший НикФед навсегда лишился своей ученицы. ГП поразил меня с первого взгляда, с первой лекции; далее я уже почти не ходила на какие-то другие лекции или семинары. А Николай Федорович через несколько лет в

присутствии ГП поднял тост за него в такой формулировке: «За человека, который уводит от меня лучших учеников»! Он имел в виду Игоря Алексеева и меня.

Мне удалось не только прослушать курс по теории управления, который ГП читал в тот год на философском факультете, но даже сдать ему зачет по этому предмету. Правда, во время зачета он, скорее, отвечал на мои вопросы, чем просил что-то ему изложить. Педагог он был высочайшего мастерства. Пассионарность чувствовалась колоссальная, и мы, его поклонники, часто сравнивали его с Маяковским, который для молодежи тех лет казался символом энергии, авангардизма и смелости. Сам ГП часто повторял фразу из раннего Горького, которая будоражила наше воображение: «Я в мир пришел, чтобы не соглашаться»! В том же году Георгий Петрович открыл кружок на Отделении психологии по «психологии малых групп». И, конечно, уже вскоре я была убеждена в том, что ключ ко всем вопросам исследования мышления (да и вообще ко всему!) – в методологии варианта ГП.

С 1967 г. я стала постоянным участником множества семинаров, проводимых различными подразделениями ММК: это были «большой» семинар «Проблемы методологии системно-структурных исследований» в Институте психологии АПН на Моховой; семинар в ЦНИИЭП торговых зданий во Вспольном переулке; семинары во ВНИИТЭ (неподалеку от ВДНХ), ЦЭМИ на Ленинском проспекте и другие...

Московский методологический кружок, с моей точки зрения, абсолютно точно передает специфику именно московской жизни. Путешествуя за семинарами, кружковец поневоле становился подлинным москвичом! Кроме того, постоянные участники ММК должны были «перепечатывать» тексты семинарских заседаний: переводить их с аудиозаписи в машинописный текст. Уникальная Вера Сергеевна принимала дежурного кружковца у себя дома, а наше дело состояло в том, чтобы, прослушав кусочек пленки, в уме отредактировать и продиктовать ей более или менее грамотный текст. Четыре-пять часов такой диктовки были сильнейшим способом погружения в тематику и способы работы ММК. Такое обучение я называла методом «магнитофонной рефлексии».

Одновременно мы собирались у ГП дома – на углу Ленинградского проспекта и Новопесчаной улицы, позднее – в его однокомнатной квартире на Петрозаводской. По понедельникам там проходил большой семинар, по субботам собирался узкий круг «продвинутых» щедровитян. Субботний семинар (скорее, конференция) длился целый день, и меня не только приняли в этот узкий круг, но и поручили ответственное дело – варить пельмени для обеденного перерыва, чем я чрезвычайно гордилась.

Одним словом, моя профессиональная жизнь окончательно определилась, вопрос, «что делать?» больше никогда не возникал. «Мышление – это образ жизни», – как-то сказал ГП, и для меня это благодаря знакомству с ним и работе в семинарах никогда не было просто фразой. Возникали и более узкие семинары: «гегелевский семинар» (Юра Серов, Оксана Симоненко и я) три года преактивно обсуждал «Феноменологию духа»; в квартире Н.Ф. Овчинникова чуть позже анализировали «Философию природы»; у Виталия Дубровского наша психологическая компания безжалостно препарировала «О душе» Аристотеля. Таких семинаров было множество: они открывались, работали и закрывались, когда объявленная тема была исчерпана или участники просто уставали друг от друга. Никто эту активность не регламентировал. Ведь ГП часто повторял: «Мышление – это коллективный эффект» – для членов ММК это была аксиома.

ГП сформулировал общую стратегию методологического обучения тех лет так: вначале человек «просто ходит» на заседания Кружка, «созревая» до того, чтобы задавать осмысленные вопросы; вскоре он способен на некоторые комментарии к текстам докладчиков. Важная веха развития «настоящего» кружковца – формирование способности сделать доклад на заседании «большого» семинара. Далее – место председателя заседания, необходимо уметь исполнять и его функции. А высшая – способность создать собственный семинар: самому определить его задачу, специфику, организационную форму, найти участников и т.п.

Так сказал однажды Учитель, и я честно выполнила поставленную им задачу: в 1971/72 учебном году нашла студентов, открыла дверь собственной квартиры, и мы начали семинарить. Задачу я поставила скромную: выращивать «мальков» для дальнейшей работы в Кружке. Среди моих «мальков» – ныне весьма важные и авторитетные персоны, в том числе те, кто навсегда остался участниками семинаров кружка и методологического движения.

Наконец, весной 1972 года ГП поручил мне подготовить доклад (по теме моего университетского диплома) «От Фихте к Гегелю». Это была проверка не только интеллектуальных, но и физических моих способностей в экстремальном режиме. После первого заседания ГП сказал кратко: «На табуретке ты сидела хорошо». Я поняла, что близка к провалу, однако не сдалась.

Доклад занял 8 заседаний и, как было свойственно работе методологов, остался незаконченным. Но с тех пор считалось, что я занимаюсь методологическими проблемами исторической реконструкции, и даже построила своеобразную модель исторического развития идей – так называемой «рожок Кузнецовой». «Рожок» образовался от графической схематизации моих утверждений. Я говорила, что у Фихте была сильная

идея, но слабые представления её; у Гегеля, напротив, – очень сильные представления, но идея почти выдохлась. Оглядываясь назад, с удивлением понимаю, что под давлением семинара я и впрямь нарисовала схему развития интеллектуальных идей, весьма напоминающую концепцию «научно-исследовательских программ» Имре Лакатоса.

Таким образом, я не могу говорить просто, что ГП «оказал на меня влияние» – этого слова совершенно недостаточно для выражения того, что он сделал для меня и чем я ему обязана. Можно сказать, что я им создана – до сих пор копирую его жесты, манеру говорить, строить лекцию или вести семинар.

Не могу не вспомнить и о таком драматическом эпизоде тех советских лет, когда разразилась история с «подписантами», т.е. когда начались суды над Синявским и Даниэлем, Гинзбургом и Галансковым... Наша студенческая компания твердо решила выйти на Пушкинскую площадь с транспарантами и лозунгами в их защиту. Конечно, мы осознавали, что последует расправа: исключение из комсомола, возможно, из университета. Под ложечкой, как говорится, неприятно подсасывало, однако мы считали, что обязаны выразить свой протест. Георгий Петрович пришел ко мне домой (а мы собрались, чтобы утром всем вместе отправиться к памятнику Пушкина) и потребовал, чтобы мы этого не делали. «Вы должны получить высшее образование, – терпеливо объяснял он. – Я потратил столько сил на воспитание у вас способности мыслить, и вы не должны потерять возможность работать на интеллектуальную мощь страны». Он настаивал: вы должны правильно осознать свой гражданский долг. «Я понимаю, – говорил ГП, – кружок должен реагировать на происходящее, но это сделаю я сам. В конце концов, я лично знаком с Гинзбургом, я уже получил от социума необходимый минимум – образование, степень и т.п. Но вы так поступать не должны, а то погубите и само дело Кружка». Помню, что я сдалась уже к 12 часам ночи, но Володя Столин спорил с ним почти до четырех утра. В итоге мы остались дома, и, бесспорно, это личная заслуга Учителя в том, что мы сумели получить высшее (и наивысшее) образование, не стали изгоями и маргиналами.

Однако в 1975-76 гг. я постепенно перестала посещать заседания ММК: методология перестала отвечать на интересующие меня вопросы и не решала моих проблем. Меня по-прежнему интересовала теория мышления, теория деятельности, и встреча с М.А. Розовым на конференции в декабре 1973 г. оказалась в этом плане роковой. Когда Розов закончил свой доклад, я первая обрушилась на него (правда, уже в кулуарах): «Вы предлагаете реализовать познавательную установку, а в данное время необходимо переходить к инженерной»!.. Розов улыбнулся: «Да, именно так: я хочу просто знать – что такое знание, что такое мышление, что такое наука».

И вдруг я поняла, что и мое единственное желание – *просто знать*. Я изменила марксизму с его замечательным тезисом о необходимости *изменить мир, а не объяснять его*. Именно в тот момент, который я отчетливо, остро помню, я пошла уже не за Учителем, а другой траекторией... Не думаю, что здесь речь может идти о предательстве. Однако я стала сторонницей теории социальных эстафет, примкнула к школе Розова. Стиль работы здесь был другой.

Мои дальнейшие научные работы уже не содержат прямых ссылок на труды ГП и кружковцев. У меня сейчас – степень доктора философских наук, должность профессора, более 100 научных публикаций, 2 монографии: «Наука в ее истории (методологические проблемы)»; а также – «Социокультурные проблемы формирования науки в России (XVIII – середина XIX вв.)». Одна книга вышла в 82-м году, другая – в 97-м, и ГП ее не видел. Однако «краткий конспект» будущей книги содержался в моей статье «Социальный эксперимент Петра I и формирование науки в России», опубликованной в «Вопросах философии» (1989, № 3). И Георгий Петрович, встретив меня где-то, одобрительно поднял большой палец – не скрою, я была горда и счастлива. В лекциях «На досках» он сказал буквально следующее:

– Вся наша жизнь проходила как жизнь по переделке мира... Но поскольку речь идет о научной, культурной работе, то это требует активного отношения и установки на переделку мира. В этом смысле очень интересна статья одного из членов ММК Натальи Кузнецовой в 3-м номере «Вопросов философии» по поводу петровского внедрения науки в Россию. И это есть красивый пример культурно-технического и социотехнического действия... (На досках. Публичные лекции по философии Г.П. Щедровицкого. М., 2004.)

Эти слова Учителя тронули меня до слез. Участвовать в такой «переделке мира» я, бесспорно, согласна. Моим личным памятником Учителю была реализация проекта книги «Познающее мышление и социальное действие. (Наследие Г.П. Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли. М., 2004), где я была редактором-составителем.

Что же я думаю теперь с высоты пройденного жизненного опыта о методологии в варианте ММК? Полагаю, что методология – слово неудачное: я не педалировала бы именно его, так как оно настраивает на то, что можно создать какое-то единое «учение о методе». Вся разнообразная практика кружка показала, что это невозможно, да и не нужно. Мне представляется, что методология, традицию которой до сих пор поддерживают члены Кружка – это *специфический способ мыслительной работы, который обеспечивает инфраструктуру для создания, оценки и реализации осмысленных проектов*, как интеллектуальных, так и сугубо инженерно-практических. Иными словами, методология – это все-таки

построение «строительных лесов», основное строительство – дело «предметника». Одной методологией в этом плане сыт не будешь, и никакого храма не построишь. К сожалению, «методологи» почти затравили «предметника», требуя от него рефлексии буквально каждого своего творческого шага. Вряд ли это продуктивно. Однако если работать с правильными ограничениями, методология в традициях ММК – весьма эффективное, мощное средство «переделки мира».